

*Лизе Эрбах Ванс,
непревзойденному агенту,
с любовью и благодарностью*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Саймон сидел на скамейке в Центральном парке — точнее, в Стробрерри Филдс¹, — и сердце его сжималось от боли. Его страданий никто, конечно, не видел, по крайней мере сначала, пока не начался мордобой и двое туристов из Финляндии — ну надо же, кто бы мог подумать! — не подняли крик, а еще девять посетителей из самых разных стран с наслаждением принялись снимать этот ужас на смартфоны.

Однако это все произошло еще через час.

В Стробрерри Филдс земляничкой и не пахло, а два с половиной акра земли пейзажного парка с огромной натяжкой можно было назвать даже поляной (в единственном числе), не то что полянами, и название это к реальности никакого отношения не имело, все дело тут было в одноименной песенке «Битлз». Стробрерри Филдс — это кусок земли треугольной формы, расположенный в западной оконечности Центрального парка неподалеку от Семьдесят второй улицы и названный так в память о Джоне Ленноне, которого застрелили

¹ *Стробрерри Филдс* (англ. strawberry fields; здесь: земляничные поляны) — секция Центрального парка в Нью-Йорке, посвященная памяти Джона Леннона.

буквально напротив, на другой стороне улицы. В самом центре мемориала — круг, выложенный мозаикой из черных и белых камешков, с простой надписью посередине:

IMAGINE¹

Моргая, подавленный Саймон смотрел прямо перед собой. Туристы подходили к знаменитой мозаике, фотографировались, делали и групповые снимки, и одиночные селфи, некоторые опускались на мозаику коленями, кое-кто даже ложился. Сегодня, как, впрочем, почти каждый день, кто-то уже успел украсить слово IMAGINE свежими розами, а из красных лепестков, которые, как ни странно, еще не сдуло ветром, выложить так называемый знак мира². Посетители — возможно, потому, что место мемориальное, — терпеливо поджидали своей очереди, когда можно было встать поближе к мозаике и сделать свое неповторимое фото, которое они потом разошлют друзьям и знакомым, поместят в «Инстаграм» или еще куда-нибудь — мало ли сервисов и социальных сетей в Интернете, — присовокупив какую-нибудь цитату из Джона Леннона или отрывок из песни «Битлз», например из той, где поется о том, что люди должны жить в мире.

Саймон был в костюме с галстуком. Выйдя из своего офиса во Всемирном финансовом центре³ на Визит-стрит, он даже не ослабил его узел. А по другую сторону знаменитой мозаики, прямо напротив него, сидела...

¹ «*Imagine*» — знаменитая песня Джона Леннона.

² Имеется в виду пацифик — международный символ мира, разоружения, антивоенного движения.

³ *Всемирный финансовый центр* (с 2013 года — Брукфилд-Плейс) — комплекс зданий в Нью-Йорке, расположенный в одном квартале к западу от того места, где находился Всемирный торговый центр.

Как их сейчас называют? Бродяжка? Наркоша? Попрошайка? Или просто больная на голову? Она распевала песни Битлов за деньги. «Уличная музыкантша» — так, наверно, будет помягче — брякала по струнам расстроенной гитары и хриплым голосом, щеря желтые зубы, пела о том, что Пенни-лейн была у нее «и в ушах, и в глазах».

Странное или по меньшей мере забавное воспоминание: давным-давно, когда дети его были еще совсем маленькие, Саймон всегда гулял с ними возле этой мозаики. Когда Пейдж было где-то около девяти, Сэму шесть лет, а Ане три годика, они шли пешком от своего дома, расположенного всего в пяти кварталах к югу отсюда на Шестьдесят седьмой улице, между Коламбус-авеню и Центральным парком, и проходили как раз через Стробиерри Филдс по пути к скульптурной группе, изображающей Алису в Стране чудес, — это в восточной части парка, возле пруда для игрушечных парусников. Не в пример большинству других стран, здесь детишкам разрешалось играть и лазить по всем бронзовым фигурам — и Алисы, и Безумного Шляпника, и Белого Кролика, — а также по стоящим кучкой непозволительно гигантским грибам высотой не менее одиннадцати футов. Сэм и Аня обожали здесь играть, забираться на статуи, а Сэм еще всегда в какой-то момент засовывал два пальца в бронзовые ноздри Алисы.

— Папа! Папа, смотри! — кричал он Саймону. — Я ковыряюсь у Алисы в носу!

Глядя на это, мать Сэма Ингрид только вздыхала.

— Ох уж эти мальчишки, — ворчала она себе под нос.

Но вот Пейдж, их первенец, уже тогда была тихоней. Сядет на скамейку, откроет книжку-раскраску, до-

станет новенькие цветные карандаши — она очень не любила работать сломанным грифелем и без суперобложки — и трудится — словом, всегда вела себя, так сказать, прилично. В более старшем возрасте — в пятнадцать, шестнадцать, семнадцать лет — Пейдж обычно сидела на скамейке, как вот сейчас и сам Саймон, и что-нибудь писала — рассказ или стихи к какой-нибудь мелодии — в тетрадке, которую отец купил ей в магазине «Папирус» на Коламбус-авеню. Но скамейку Пейдж выбирала далеко не всякую. Около четырех тысяч скамеек Центрального парка были кем-то «присвоены», причем за довольно крупные денежные пожертвования. На каждой имелась именная металлическая табличка, чаще всего просто памятная, как и та, рядом с которой сидел Саймон. На ней было написано:

В ПАМЯТЬ О КАРЛЕ И КОРКИ

На других — и такие, кстати, всегда притягивали к себе Пейдж — можно было прочитать целую историю:

*В память о С. и Б., переживших холокост
и начавших в этом городе новую жизнь...*

*Моему солнышку Энн — я люблю тебя, я тебя обожаю,
я души не чаю в тебе. Прошу тебя, стань моей женой...*

*На этом самом месте 12 апреля 1942 года
мы полюбили друг друга...*

Больше всего Пейдж любила скамейку, на которой была увековечена память о некоей таинственной трагедии:

*Прекрасная Мерил, 19 лет. Ты заслужила лучшей доли,
но умерла совсем молодой. Что бы я только ни отдал,
лишь бы спасти тебя.*

Бывало, она сживала на ней часами со своей тетрадкой, — может быть, уже тогда можно было кое о чем догадаться?

Пейдж переходила от одной скамейки к другой, искала надпись, которая подсказала бы ей идею нового рассказа. Саймон, в попытке сблизиться с ней, попробовал следовать ее примеру, но куда там, у него не было столь богатого воображения, как у дочери. Но он все равно садился неподалеку с газетой или мобильником, справлялся о котировке ценных бумаг или вычитывал деловые новости, в то время как шариковая ручка Пейдж возбужденно порхала по бумаге.

Что случилось с теми старыми тетрадками? Где они сейчас?

Саймон об этом понятия не имел.

«Пенни-лейн», слава богу, подошла к концу, и певица/попрошайка без паузы погнала другую: «All You Need Is Love». Рядом с Саймоном на скамейке пристроилась молодая парочка.

— Может, дать ей денег, чтоб она заткнулась? — громко прошептал молодой человек.

Его подруга захихикала.

— Ты что, получится так, будто Джона Леннона убивают по новой.

Кое-кто кидал по монетке в футляр для гитары, но большинство старались держаться в сторонке или демонстративно пятились с таким видом, будто унюхали дурной запах, к которому они не имели отношения.

Но Саймон слушал, и слушал усердно, надеясь уловить хоть какую-то видимость красоты в мелодии, в самой песне, в ее словах, в ее исполнении. Туристов он едва замечал, а также их гидов, как не обращал внимания и на голого по пояс мужчину (хотя рубаху ему носить

было положено), продающего воду в бутылках по доллару за штуку, и на того худущего, кожа да кости, парня с пучком волос под нижней губой, который — за доллар же — травил анекдоты («отдельное предложение — шесть штук за пятеру!»), и на старуху-азиатку, с отрешенным видом воскуряющую в честь Джона Леннона ароматические палочки, и на людей, прогуливающихся собачек или просто греющихся на солнышке.

Но нет, красоты в этой музыке не было. Ни капельки.

Саймон не отводил глаз от этой девицы-побирушки, которая уродовала наследие Джона Леннона. Спутанные волосы ее были похожи на воронье гнездо. Щеки ввалились, подчеркивая торчащие скулы. Сама худая как щепка, потрепанная, грязная, надломленная, как и всякая бесприютная бродяжка, погибшее существо.

Эта девица Саймону приходилась дочерью, и звали ее Пейдж.

Саймон не видел Пейдж уже полгода — с тех самых пор, как она совершила то, чему не было оправдания.

Это вконец сломало Ингрид.

— На этот раз оставь ее в покое, — сказала ему Ингрид после того, как Пейдж сбежала.

— То есть?

И Ингрид, чудесная мать, заботливый врач-педиатр, всю свою жизнь посвятившая детям, которые попали в беду, сказала нечто совершенно неожиданное:

— Я не хочу, чтобы она возвращалась в наш дом.

— Да ты что?

— Я серьезно, Саймон. Бог свидетель, я говорю серьезно.

Не один месяц, скрывая это от Ингрид, он разыскивал Пейдж. Иногда поиски были хорошо подготовлены

и организованы, как, например, когда он нанял частного детектива. Но чаще всего это были хаотичные случайные попытки — он просто бродил по опасным, кишевшим наркоманами районам города и показывал ее фотографию обколотым грязным бродягам.

И дело всегда заканчивалось ничем.

Где она сейчас? — думал Саймон. Кстати, совсем недавно у нее был день рождения (интересно, думал Саймон, как она его отметила, устроила вечеринку с тортом и наркотиками? Или вообще о нем не вспомнила?). Может, она покинула Манхэттен и вернулась в тот городок, где училась в колледже и где у нее все пошло наперекосяк? Два раза в выходные, когда Ингрид дежурила в больнице и тем самым избавляла его от лишних вопросов, Саймон ездил туда и останавливался в гостинице «Крафтборо» неподалеку от студенческого городка. Пешком ходил туда, вспоминая о том, с каким воодушевлением все пятеро — Саймон, Ингрид, свежеспеченная первокурсница Пейдж, а также Сэм и Аня — явились в кампус, чтобы помочь Пейдж устроиться, о том, каким безумным оптимизмом были охвачены они с Ингрид, какие радужные надежды питали на то, что здесь ей понравится, что это место со всеми его зелеными полями и лесами станет для выросшей в Манхэттене дочери родным домом, и о том, как вскоре эти надежды увяли и умерли.

В глубине души, так глубоко, что он даже сам не догадывался об этом, Саймону хотелось махнуть на все рукой и не искать ее больше. С тех пор как Пейдж ушла из дома, жизнь у них стала если не лучше, то, по крайней мере, спокойней. Сэм, который весной закончил школу Горация Манна, о старшей сестре и не вспоминал. Вся его жизнь вращалась вокруг друзей, экзамене-

нов и вечеринок — а теперь он думал только о том, как подготовиться к учебе на первом курсе Амхерстского колледжа. Что касается Ани... Саймон и сам не знал, что она обо всем этом думает. Про Пейдж она с ним не заговаривала, — впрочем, Аня вообще говорила с ним не очень охотно. На все его попытки завести разговор она отвечала односложно: «прекрасно», «хорошо», «нормально».

А потом Саймон случайно нашел одну странную зацепку.

Однажды утром, три недели назад, в кабине лифта вместе с ним оказался сосед сверху по имени Чарли Кроули, офтальмолог. Обменявшись с Саймоном обычными соседскими приветствиями, стоя лицом к двери лифта и глядя на табло с мелькающими циферками этажей, Чарли смущенно и с искренним сожалением заявил, что ему «показалось», будто он видел Пейдж.

Саймон, который тоже уставился на табло, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие, попросил рассказать поподробнее.

— Это было в парке... мне кажется, это была она, — ответил Чарли.

— Что, она шла куда-то через парк?

— Нет, не совсем шла...

Лифт остановился на первом этаже. Двери открылись. Чарли сделал глубокий вдох.

— Пейдж... я видел ее на Строберри Филдс. Она там играла на гитаре и пела.

Кажется, Чарли заметил ошарашенное лицо Саймона.

— Понимаешь... типа, мм... для денег.

В груди у Саймона что-то оборвалось.

— Для денег? Это как какой-нибудь...

— Я хотел дать ей немного, но...

Саймон кивнул, мол, все в порядке, пожалуйста, продолжай.

— ...но Пейдж была... она будто не замечала, что творится вокруг, она, кажется, даже не поняла, кто я такой. Я побоялся, что...

Чарли замолчал, и так все было понятно.

— Мне очень жаль, Саймон. Честно.

Такие, значит, дела.

Саймон сомневался, стоит ли рассказывать об этом Ингрид, ему очень не хотелось ее расстраивать. Зато в свободное время он стал чаще прогуливаться в районе Строберри Филдс.

Но Пейдж так и не встретил.

Он заводил о ней разговоры с другими бродягами, которые играли и пели там, спрашивал, видели ли они ее, показывал фотографию на экране мобильного, сначала бросив в гитарный футляр пару банкнот. Кое-кто говорил — да, видели и могут рассказать еще кое-что про нее, если Саймон не поскупится и пожертвует что-нибудь. Он не скупился и жертвовал, но ничего не получал взамен. Большинство же честно признавались, что не знают этой девицы, хотя теперь, видя Пейдж во плоти, Саймон понимал, в чем тут дело. Между этой обколотой, исхудавшей, кожа да кости, женщиной и его некогда прелестной дочерью не усматривалось ничего общего.

Тогда Саймон принялся дежурить на скамейке возле Строберри Филдс; обычно он садился прямо перед табличкой — забавно, что на нее никто не обращал внимания, — где было написано:

ПРОСИМ СОБЛЮДАТЬ ТИШИНУ — ШУМЕТЬ
И ИГРАТЬ НА МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТАХ
ВОСПРЕЩАЕТСЯ

И, наблюдая за происходящим, он заметил нечто странное. Музыканты, все, как один, вонючие и грязные бродяги, всегда играли в разное время и по очереди. Смена одного гитариста следующим проходила замечательно гладко. Они играли по часу и менялись обычно в начале каждого часа, организовано и четко.

Являлись будто по расписанию.

За пятьдесят долларов Саймона познакомили с человеком по имени Дейв. Это был старый, потасканный уличный музыкант с огромной шапкой седых волос, густая борода его была кое-где схвачена эластичными резинками, а с затылка на спину свешивался перевязанный тесьмой конский хвост. Этот Дейв, похожий и на изрядно потрепанного жизнью пятидесятилетнего с гаком мужчину, и на семидесятилетнего старика, прожившего жизнь без особых проблем, растолковал ему, как это все работает.

— В прежние времена был тут один парень, Гэри дос Сантос... Знаешь, кто это?

— Имя знакомое, — отозвался Саймон.

— Ну да, если ты бывал здесь в лучшие времена, парнишка, ты бы вспомнил его. Гэри был как бы мэром Стробрерри Филдс... сам себя назначил. Крутой парень. Правил здесь где-то лет двадцать, и при нем все было тихо. А чтоб было тихо, на всех страху нагнал, всех держал в кулаке. Потрясный был чувак, понимаешь, о чем я?

Саймон кивнул.

— А потом, где-то в две тысячи тринадцатом году, Гэри помер. Лейкемия. Совсем молодой, сорок девять лет. И это место... — Дейв сделал неопределенный жест рукой в перчатке без пальцев. — В общем, без нашего фашиста все как с цепи сорвались. Полная анархия. Ма-

киавелли читал? Ну вот что-то в этом роде. Музыканты тут каждый божий день мордобой устраивали. За территорию... понимаешь, о чем я?

— Понимаю.

— Пытались сами навести порядок, да куда там — половина из этих парней и одеться нормально не могут самостоятельно. Понимаешь, один козел играет и играет, не может остановиться, тогда другой тоже начинает играть, потом оба орут друг на друга, посылают куда подальше, даже когда рядом детишки малые. Иногда и по морде друг другу заедут, ну и конечно, копы тут как тут, вот и все... Смекаешь, в чем дело?

Саймон снова кивнул.

— Страдала наша репутация, я уж не говорю про кошельки. И тогда мы собрались все вместе и договорились.

— О чем?

— Расписание сделали. С десяти утра и до семи вечера каждый час — смена.

— Серьезно?

— Да.

— И это работает?

— Не идеально, конечно, но близко к тому.

Вот он, личный экономический интерес, подумал финансовый аналитик Саймон. Величина постоянная в нашей жизни.

— А как распределили места?

— Написали текст, составили список. У нас пять человек постоянных. Они играют в лучшее время. Остальное время отдаем другим.

— И ты тут смотрящий за расписанием?

— Ну да. — Дейв от гордости выпятил грудь. — Прос-то я знаю, как сделать так, чтобы все работало, въезжа-

ешь? Типа я никогда не поставлю Хэла в очередь рядом с Жюлем, потому что эти двое ненавидят друг друга хуже, чем меня мои бывшие бабы. И еще применяю подход, в основе которого лежит принцип неоднородности.

— Неоднородности?

— Черные, девки, итальяшки или фрицы, педики, даже парочка узкоглазых. — Он развел руками. — Нельзя, чтобы все думали, что, мол, все босяки — исключительно белые. Это неправильный стереотип, понимаешь, о чем я?

Саймон понимал, о чем он. Но главное, он понял, что если даст Дейву две половинки разорванных сотенных купюр и пообещает отдать вторые половинки, только когда тот сообщит ему, в какой день здесь появится его дочь, то, возможно, он добьется какого-то результата.

Нынче утром Дейв прислал ему эсэмэску:

Сегодня в 11 утра. Я тебе ничего не говорю. Я не стукач.

А потом еще:

Но деньги принеси в 10. В 11 у меня йога.

И вот он здесь.

Саймон сидел прямо напротив Пейдж, по другую сторону мозаичного круга, и думал о том, заметит ли она его и что надо делать, если она даст деру. Ответа на этот вопрос у него не было. Он решил, что лучше всего пусть закончит, соберет жалкие гроши, уложит гитару в футляр и только тогда он к ней подойдет.

Он посмотрел на часы. Без двух минут двенадцать. Час, отведенный для Пейдж, подходит к концу.

Саймон повторил в уме все, что хотел ей сказать. Он уже позвонил в клинику Соулмани на севере штата и заказал для Пейдж отдельную палату. План был такой: говорить все равно что, обещать все, что только можно, задабривать, умолять, делать все, решительно все, лишь бы только она пошла с ним.

С восточной стороны парка появился еще один музыкант в блеклых джинсах, расстегнутой до пупа рваной фланелевой рубашке; он подошел к Пейдж и сел рядом. Свою гитару он держал в черном пластиковом мешке для мусора. Музыкант похлопал Пейдж по коленке и указал на свое запястье с воображаемыми часами. Пейдж кивнула, закончила песенку «I Am the Walrus»¹ с растянутой концовкой «гу-гу-гдзуб», подняла вверх обе руки.

— Спасибо! — прокричала она толпе туристов, но на крик ее никто и внимания не обратил, а уж об аплодисментах и говорить нечего.

Она сгребла жалкие, помятые долларовые бумажки, монеты и с неожиданной бережностью уложила гитару в футляр. Это простое движение — укладывание гитары в футляр — поразило Саймона до глубины души. Он купил эту гитару фирмы «Takamine» в магазине «Сэм Эш» на Западной Сорок восьмой улице, в подарок ей на шестнадцатилетие. Саймон попытался воскресить в памяти чувства, которые он тогда испытывал, вспомнить улыбку Пейдж, когда он снял гитару со стены, и как дочь, закрыв глаза, попробовала струны, как бросилась ему на шею с криком: «Спасибо, спасибо, спасибо!» — когда он сказал, что инструмент принадлежит ей.

¹ «Я — морж» (англ.).

Но сейчас этих чувств, если они вообще когда-нибудь были, он не испытал.

Ужасная истина: Саймон уже не мог увидеть в ней прежнюю маленькую девочку.

А ведь все это время, целый час, он пытался вспомнить, какой она была прежде. Сейчас, глядя на нее, он снова попытался вызвать в памяти того ребенка с ангельским личиком, которого он водил в бассейн Еврейского общинного центра на Девяносто второй улице; ту девочку, что сидела в гамаке в Хэмптонсе, а он читал ей Гарри Поттера и за три выходных Дня труда¹ полностью прочитал два толстых тома; ту девочку, что потребовала, чтобы ей разрешили надеть костюм в виде статуи Свободы и раскрасить лицо зеленой краской за две недели до Хеллоуина, для которого он был предназначен. Но — возможно, тут сработал какой-то защитный рефлекс — ни один из этих образов не всплыл в его сознании.

Пейдж встала.

Теперь его ход.

Саймон тоже встал. Сердце гулко бухало о ребра. Он чувствовал, что начинает дико болеть голова, будто чьи-то толстые пальцы обхватили череп и сжимают виски. Саймон посмотрел налево, потом направо.

Он искал глазами ее дружка.

Саймон не мог бы сказать точно, как это все началось и пошло по нарастающей, но был уверен, что во всем виноват этот ее дружок, что именно из-за него на его дочь, а заодно и на всю семью обрушились беды. Конечно, Саймон читал о том, что наркоман сам должен брать на себя ответственность за свои поступки, что

¹ День труда в США отмечается в первый понедельник сентября.

вина за них лежит на нем, и только на нем, и все такое. У большинства наркоманов (а значит, и у их близких тоже) всегда есть что сказать по этому поводу. Зависимость могла начаться с того, что они принимали наркотик после болезненной операции как болеутоляющее. Возможно также, они стали принимать наркотики под влиянием сверстников, а еще они могут заявить, что сначала решили просто попробовать, из любопытства, а потом незаметно втянулись.

Оправдание всегда найдется.

Но в случае с Пейдж — то ли по слабохарактерности, то ли из-за дурного воспитания, то ли еще почему-нибудь — все казалось несколько проще.

Жила-была милая девочка по имени Пейдж. Потом она познакомилась с Аароном. И вот какой она стала сейчас.

Аарон Корвал — подонок, откровенный и явный подонок, и когда подобная мразь соединяется с чистой невинностью, чистота испоганена навсегда, этой грязи уже не отмыть. Саймону он с самого начала не понравился. Аарону было тридцать два года, он был на одиннадцать лет старше его дочери. И в более невинные времена такая разница в годах обеспокоила бы Саймона. Ингрид же отмахивалась, не принимала это всерьез, но она привыкла к таким вещам, еще когда работала манекенщицей. А теперь, конечно, разница в возрасте — пустяк по сравнению с остальным.

Аарона нигде не было видно.

У Саймона затеплилась надежда. Может быть, Аарон вышел из игры? Может быть, этот злодей, этот паразит, живущий за счет его дочери, насосался ее кровушки вволю, высосал все, что можно, и нашел себе более

лакомый кусочек? Что и говорить, это было бы просто здорово.

Шаркающей походкой, словно живой мертвец, Пейдж двинулась по дорожке через парк. Саймон пошел за ней.

А что делать, думал он, если она откажется пойти с ним? Такое было не только возможно, но очень даже вероятно. Когда-то Саймон уже пытался ей помочь, но это имело обратный эффект и вышло ему боком. Заставить ее он не мог. Он это прекрасно знал. Он даже попросил своего шурина, брата Ингрид Роберта Превиди, получить постановление суда, обязывающее ее подчиниться. Но и это не помогло.

Саймон догнал ее и теперь шел у нее за спиной. Ее изношенное открытое платье без рукавов висело на ней, как на вешалке. На некогда безупречной коже спины какие-то бурые пятна... От солнца? Или болезнь? Или ее били?

— Пейдж?

Она не обернулась, даже не замедлила шаг в нерешительности, и краткое мгновение Саймон тешил себя фантазией о том, что он ошибся и Чарли Кроули тоже ошибся, что это лохматое и неухоженное, дурно пахнущее существо, живой скелет с сорванным голосом во все не его первенец, не его Пейдж, которая в отрочестве играла Ходел в постановке Академии Абернати «Скрипач на крыше», не та Пейдж, от которой пахло персиками и молодостью и которая заставляла зрителей плакать, когда исполняла соло «Далеко от дома, который я люблю». Саймон не смог удержаться от слез ни на одном из пяти спектаклей, где она играла, и едва сдерживал рыдания, когда Ходел в исполнении Пейдж поворачивалась к Тевье и говорила: «Папа, одному Бо-

гу известно, когда мы снова с тобой встретимся», на что ее отец отвечал: «Все в руках Божьих, и станем уповать на волю Его».

Он откашлялся и прибавил ходу, чтобы догнать ее.
— Пейдж!

Она замедлила шаг. Саймон протянул к ней дрожащую руку. Она продолжала все так же идти не оборачиваясь. Он положил руку ей на плечо, не почувствовал под ладонью ничего, кроме высохшей кости, обтянутой тонкой, как бумага, кожей, и позвал еще раз:

— Пейдж!

Она остановилась.

— Пейдж, это я, твой папочка.

Папочка. Когда же в последний раз она назвала его папочкой? Она называла его папой, как и все трое детей, насколько он помнил, тем не менее выскочило именно это слово. Голос его прозвучал надтреснуто, в нем слышалась мольба.

Но она так и не повернулась к нему.

— Прошу тебя, Пейдж...

И вдруг она бросилась бежать.

Это застало его врасплох. Когда он опомнился, Пейдж была уже впереди на три шага. В последнее время Саймон был в неплохой физической форме. Недалеко от его места работы находился спортивно-оздоровительный центр, и во время обеденного перерыва под влиянием мысли о том, что он теряет дочь — он так и смотрел на эту ситуацию, как на потерю дочери, — Саймон как одержимый стал заниматься кардиобоксингом.

Он тоже рванул вперед и довольно легко и быстро догнал ее. Схватил Пейдж за тоненькое, как тростинка,

предплечье — на ее бицепсе можно было сомкнуть большой и указательный пальцы — и рывком заставил ее остановиться. Кажется, перестарался, но все это он проделал — и прыжки, и захват — спонтанно, не думая.

Итак, Пейдж пыталась от него убежать. А он сделал все, что нужно, чтобы удержать ее.

— Ой! — закричала она. — Отпусти!

Кругом было полно народу, и кое-кто, сомневаться в этом не приходилось, повернулся на крик. Но ему было наплевать, разве что настойчивости в достижении цели прибавилось. Теперь надо действовать быстро, как можно скорей увести ее отсюда, пока какой-нибудь добрый самаритянин не вздумал броситься «спасать» Пейдж.

— Девочка моя, это я, твой папа. Пойдем со мной, хорошо?

Она все еще стояла к нему спиной. Саймон развернул ее лицом к себе, но Пейдж закрыла лицо локтем, будто от яркого, бьющего прямо в глаза света.

— Пейдж... Пейдж, прошу тебя, посмотри на меня.

Все тело ее словно одревенело, а потом вдруг обмякло. Пейдж убрала руку от лица и медленно подняла на него глаза. У него снова мелькнула надежда. Да, глаза ее глубоко запали, и белки были желтые, но теперь, в первый раз, Саймон подумал, что, может быть, он увидел в этих глазах некий проблеск жизни.

В первый раз он увидел в них как бы некий намек на то, что перед ним стоит та самая девочка, которую он знал когда-то.

— Папа? — переспросила Пейдж, и он наконец услышал в этом голосе далекий отзвук голоса дочери.

Он кивнул. Открыл было рот, тут же закрыл, потому что слишком был потрясен, и попробовал снова.